

ЕЩЕ РАЗ О СЛОВЕ *кулига*

Трудно встретить слово, о котором было бы столько противоречивых мнений, сколько о лексеме *кулига*.

О происхождении этого, издавна привлекавшего внимание языковедов слова писали многие, но по-разному. Одни лингвисты вообще отказываются от определения этимологии его (А. Г. Преображенский, М. Фасмер), другие настаивают на финском происхождении данной лексемы (А. Л. Погодин¹, М. П. Веске², Я. Калима³), третьи говорят о том, что оно наследие древнерусского языка (Н. М. Шанский⁴, А. И. Федоров⁵).

Подобный разноречивостью мнений объясняется отчасти тем, что в современных русских народных говорах это слово имеет самые разнообразные, иногда очень далекие друг от друга значения. И в самом деле, если в шенкурских и пинежских архангельских говорах *кулига* — 'крутой изгиб, поворот реки'⁶, в вятских — 'лес, расчищенный, выкорчеванный, выжженный под пашню или пожню'⁷, в кадниковских, тотемских, вологодских — 'полоса, засеянная горохом, гороховище'⁸, в тульских — 'луговина, лужок'⁹, в вятских — 'деревья в лесу, починок'¹⁰, то в настоящее

¹ А. Л. Погодин. Севернорусские словарные заимствования из финского языка. — «Варшавские университетские известия», вып. 4, 1904, стр. 187.

² М. П. Веске. Славяно-финские культурные отношения по данным языка. Казань, 1890, стр. 40, 46—48.

³ J. Kalima. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki, 1919, стр. 140.

⁴ Трудно согласиться с этимологией этого слова, предложенной в «Кратком этимологическом словаре» под редакцией Н. М. Шанского: «*Кулига* является образованием с суффиксом *-ига* от *куль*. См. *Кулик*. . . *Кулик* образовано с помощью суффикса *-икъ* от *куль*» (стр. 173).

⁵ А. И. Федоров. Общеславянская и древнерусская лексика в беломорских говорах. — «Уч. зап. ЛГУ», вып. 52, № 267, 1960, стр. 210.

⁶ Картотека Словаря русских народных говоров Института русского языка АН СССР, Ленинград (Картотека СНГ).

⁷ Даль² II, стр. 554.

⁸ П. А. Дилакторский. Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении, 1902, рукопись, № 25—27. — Картотека СНГ.

⁹ Картотека СНГ.

¹⁰ Даль² II, стр. 554.

время трудно свести все эти разнообразные значения к единому семантическому центру.

Попытки Я. Калими установить происхождение этого слова со всеми его значениями из фин. *külä* не дали желаемых результатов. Прав, на наш взгляд, М. Фасмер, считавший, что происхождение *кулига* из фин. *külä*, где *külä* обозначает 'деревню', не соответствует всем значениям этого слова в русском языке¹¹. Продолжая мысль Фасмера, можно сказать, что при установлении этимологии слова *кулига* было бы более целесообразным на первых порах говорить не о происхождении этого слова в целом, со всеми его значениями, а свести все разнообразие его значений по говорам к нескольким семантическим центрам, объединяющим слова с наиболее близким семантическим содержанием. Изучение происхождения каждой такой группы слов в отдельности должно быстрее дать желаемые результаты.

Как свидетельствуют материалы Картотеки Словаря русских народных говоров, все значения слова *кулига* по говорам можно свести, на наш взгляд, к трем семантическим центрам: 1) 'участок поля, луга или леса', 2) 'крутой изгиб реки, залив', 3) 'населенный пункт, деревня в лесу'.

Обращает на себя внимание тот факт, что в древнерусском языке XV—XVII в. данное слово используется с тремя основными значениями, причем каждое из них тяготеет к одному из трех семантических центров, о которых только что шла речь. По-видимому, из этих трех значений, путем трансформации их, развивается в дальнейшем по говорам все разнообразие смыслового содержания лексемы *кулига*.

Наиболее часто в памятниках XV—XVII вв. встречается *кулига* со значением 'участок земли' (луг, пожня среди пашен в лесу, поляна): . . . а Федоръ Мамоновъ сказал про ту *кулигу* выменял де я ту *кулигу* у Федосѣя Самохваленского а становится на то *кулиге* сѣна копень по пятидесят ѿне тое *кулигу* вь к о с и л Заузолениъ Ивашко Малиниъ¹².

Кулига с этим значением — широкоупотребительное слово в древнерусском языке XV—XVII вв. Оно встречается в северных — беломорских¹³, двинских¹⁴, белозерских¹⁵ — памятниках, в документах средней полосы — московских, переяславских,

¹¹ V a s m e r II, стр. 410.

¹² «Допросные речи старожилов. Собрание документов Нижегородской губернской Архивной комиссии XVI—XVII вв.» — Картотека ДРС.

¹³ И. Е. Е л и з а р о в с к и й. Лексика беломорских актов XVI—XVII вв. Архангельск, 1958, стр. 37.

¹⁴ П. Я. Ч е р н ы х. Очерки русской исторической лексикологии. М., 1956, стр. 105.

¹⁵ J. K a l i m a. Указ. соч., стр. 140.

ростовских ¹⁶, в западных — псковских ¹⁷, а также в южных — курских, орловских ¹⁸.

Показательно, что *кулига* — с этим или близким к этому трансформированным значением — имеет чрезвычайно широкое распространение и в современных народных говорах. По данным Картотеки Словаря русских говоров, оно отмечено в Архангельской, Вологодской, Кировской, Пермской областях, на Урале, в Сибири, в Костромской, Владимирской, Ярославской, Псковской, Калининской, Брянской, Орловской, Курской, на Дону, в Саратовской, Куйбышевской и других областях.

Кулига со вторым значением не имело такой широты распространения в русском языке XV—XVII вв. Оно характерно было главным образом для восточных областей. Здесь *кулига* выступало со значением 'залив реки, который летом (в малую воду) обсыхает и зарастает травой, пойменный луг на берегу': . . . а что, государь, за дорогу, что едят к Москвѣ из Котельников, там. . . и пузе водено, что ближе к пруду, а по сторонам, государь, *кулигами*, в ыной *кулиге* с а же н и по 300 воды ¹⁹.

В современных народных говорах близкие к данному значения отмечены у слова *кулига* в вологодско-вятских, архангельских, брянских говорах, а также в Сибири и на Дальнем Востоке ²⁰.

В статье делается попытка проследить происхождение и историю этого слова с третьим значением: *кулига* — 'обособленная часть волости с рядом населенных пунктов, объединяемых церковью', т. е. то, что позднее стало обозначаться словом *приход*.

Кулига с этим значением обнаружено в рукописных памятниках XVII—XVIII вв., хранящихся в Череповецком краеведческом музее: в столбцах Воскресенского Череповецкого монастыря ²¹, в синодиках Филиппо-Ирапского монастыря ²².

Многочисленные примеры из столбцов Череповецкого монастыря говорят об активном использовании этого слова в значении 'часть волости'. Порядок расположения слов, с помощью которых

¹⁶ «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси», т. II. М., 1958.

¹⁷ А. И. Лебедева. Значение топонимики для исторической лексикологии. — «Уч. зап. ЛГУ», вып. 52, № 267, 1960, стр. 168.

¹⁸ С. И. Котков. Из истории некоторых диалектных слов. — «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. 3. М., 1962, стр. 159.

¹⁹ «Хозяйство Морозова, 1652, Материалы по истории феодально-крепостнического хозяйства», вып. 1—2. М.—Л., 1933—1936. — Картотека ДРС.

²⁰ Картотека СНГ.

²¹ Столбцы Воскресенского Череповецкого монастыря XVII—XVIII вв.

Рукописный фонд Череповецкого краеведческого музея, $\frac{P\ 361}{51}$; см. также: Б. С. Пушкин. Описание принадлежащих Л. М. Савелову документов. М., 1912.

²² Синодики Филиппо-Ирапского монастыря конца XVII—начала XVIII в. Фонд ЧКМ $\frac{P\ 361}{51}$ (кн. рукописн.), № 17, 18.

конкретизируется название местности, указывает на более узкое содержание термина *кулига* в сравнении с *волость*, так как на первом месте в документах всегда *волость* как слово, обозначающее более крупную административную единицу, на втором — *кулига* как часть волости:

ср., например, столбец № 2, 1632 г.: Череповецкие волости, Воскресенского монастыря, Степановские *кулиги*, деревни Паздерина. . . ;

столбец № 6, 1640 г.: . . . сирота, крестьянин Череповецкой волости, Чучкия *кулиги* (Чудской), деревни Голбина;

столбец № 23, 1661 г.: . . . нищей богомолец, Белозерского уѣзду Натпорожского стану, Череповецкой волости, Туховские *кулиги* Никольской поп Никифорище. . .

Прежде чем переходить к вопросу о происхождении слова *кулига*, необходимо более подробно познакомиться с соответствующей реальией.

По сведениям историков, на всем обширном пространстве Севера в XV—XVII вв. и позже наблюдался гнездовой тип поселений²³, заключающийся в том, что близлежащие деревни объединяются в специфические «гнезда». Столбцы Череповецкого и синодики Филиппо-Ирапского монастырей свидетельствуют, что часть волости с таким «гнездом» в средней и южной части Белозерья имела местное название — *кулига*. Деревни на территории *кулиги* чаще всего находились в непосредственной близости друг от друга (1—2 км, иногда 3—4), так что *кулига* представляла собою как бы обособленное «гнездо». Одна *кулига* отделялась от другой пустыми, незаселенными лесными и болотистыми землями. В состав белозерской *кулиги* входило от пяти до 20 деревень.

Каждая *кулига* имела название, причем именовались они чаще по рекам, по течению которых располагались, или по центральному пункту, селу, где находилась церковь.

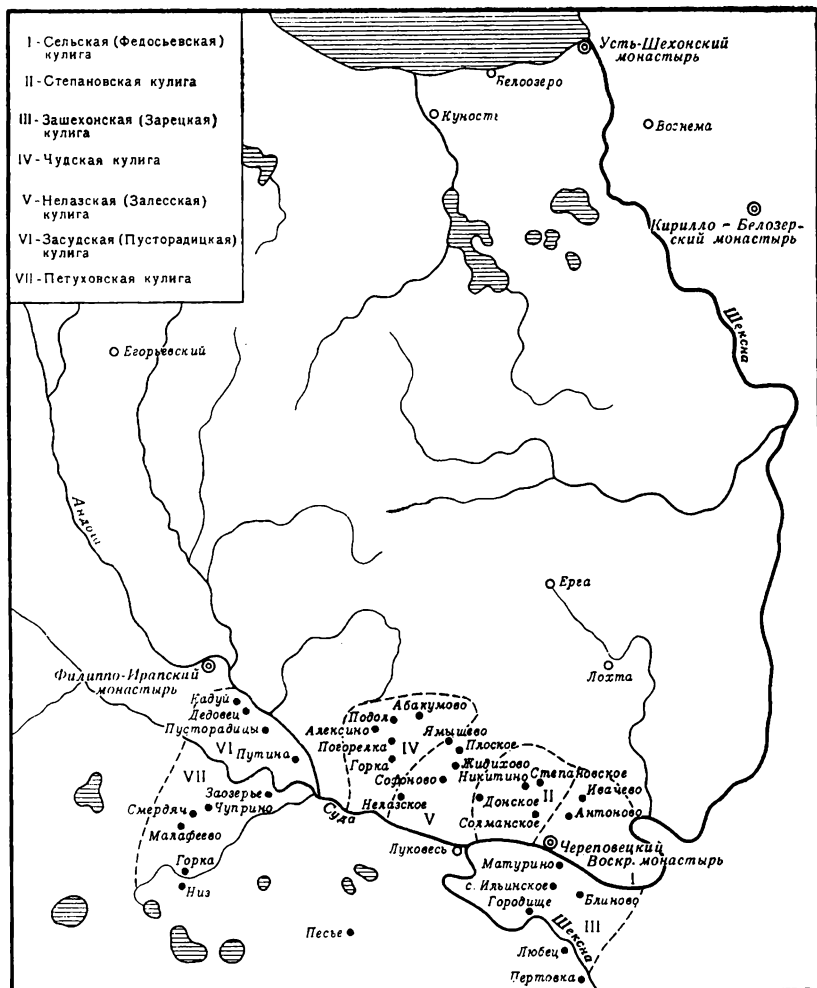
В столбцах Череповецкого монастыря встречается упоминание о четырех *кулигах*, находящихся в ведении последнего²⁴.

В синодиках Филиппо-Ирапского монастыря отмечены *кулиги*, именованные по рекам: Засудская (на р. Суде), Нелазская (на р. Нелазе), Петуховская (на р. Петух). Ср., например: Род Игнатия Никифорова Нелазские *кулиги*, деревни Иевлевы. . . ; Род Петушской *кулиги* деревни Смердяч. . .²⁵

²³ М. В. В и т о в. Гнездовой тип расселения на русском Севере. — «Советская этнография» 1955, № 2.

²⁴ Л. Ф. А ф е т о в. Исторический очерк бывшего Череповецкого Воскресенского монастыря и его земельных владений. Череповец, 1895 (рукопись), фонд ЧКМ. В главе «Земельные владения монастыря» перечислены все деревни каждой из четырех *кулиг*. Например, в составе Зашехонской *кулиги* указаны дд. Матурино, Блиново, Малата, Милятино, с. Ильинское; в составе Чудской *кулиги* — 20 деревень и т. д.

²⁵ Синодик Филиппо-Ирапского монастыря, № 17.

Белозерье XVII в.

Как отмечено выше, гнездовой тип поселения свойствен был обширнейшим территориям Севера. Привлечение документов XVII—XVIII вв. позволяет утверждать, однако, что распространение термина *кулига* со значением 'часть волости с «гнездом» деревень' характерно для ограниченной территории, расположенной по нижнему и среднему течению р. Суды с притоками и на одном из участков по течению Шексны²⁶ (см. карту).

²⁶ И в наши дни местное население Череповецкого района использует в обиходной речи эти общие названия частей прежних волостей, не употре-

Доказательства этому следующие. В северных новгородских пятинах, где поселения тоже располагались «гнездами», «гнездо» деревень в XVI—XVII вв. называлось *волосткой*: всего в Селетцом погосте и того погоста в *волостках* и въ Порозерской *волостке*. . .²⁷

В памятниках письменности Кирилло-Белозерского и Спасо-Прилуцкого Вологодского монастырей, расположенных на расстоянии всего 100—120 км от местности, где употребляется термин *кулига*, с этим или близким значением используется слово *ключ*. В «Росписи деньгам, собранным с вотчин Прилуцкого монастыря» (1612 г.), читаем: деревня Околомонастырского *ключа*. . ., с Сергеева *ключа* 2 рубля 14 алтын. . .²⁸

В жалованной грамоте царя Ивана Васильевича Кирилло-Белозерскому монастырю (1557 г.) тоже есть упоминание о трех монастырских *ключах* — Колдомском, Кнутовском и Зарецком²⁹.

Слово *кулига* с интересующим нас значением в русском национальном языке XVII—XVIII вв. было узкоместным, диалектным. Не случайно, что в документах первой половины XVII в. одни и те же части Череповецкой волости называются по-разному. Называя районы Череповецкой волости, белозерский воевода Андрей Образцов ни разу не приводит термин *кулига*, употребляя вместо него описательные обороты или используя обобщенное название *кулиги* без соответствующего термина, так как в словаре северных белозерских говоров XVII в. это слово отсутствовало. Вот отрывки из «Отписки белозерского воеводы. . . о действиях литовских людей. . . в Белоозерѣ» (1618 г.):

а нашли де они на лѣсу, то жѣ Шухтоские волости в Чудцѣ (т. е. в Чудской *кулиге*. — Ю. Ч.);

. . . и стали в Неласкихъ въ деревнѣ Великомъ Дворѣ (т. е. в Нелазской *кулиге*. — Ю. Ч.)³⁰.

Совсем иное обнаруживается в «Поручной патриаршихъ крестьянъ села Федосьева. . .» (1641 г.), документе, написанном на

бляя слово *кулига*. Кисовз, Вочкома, Улома и др. в Череповецком р-не — это не отдельные населенные пункты, а общие названия гнезд поселений, так как в Вочкоме, например, в наши дни четыре деревни (Харламовское, Минино, Грязливец и Ручьи), в Кисове — три (Большой двор, Верх, Карпово), в Уломе — свыше десяти (Кротово, Клопузово и пр.).

²⁷ Материалы Поместного приказа по Новгороду и Новгородской области XVI—XVII вв. Рукописный отдел биб-ки им. В. И. Ленина, ф. 178, 6632. О термине *волостка* см.: М. В. В и т о в. Гнездовой тип. . ., стр. 34.

²⁸ «Архив М. П. Строева», ч. II. Пг., 1917, стр. 223.

²⁹ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси. М.—Л., 1946, стр. 597; см. также: Из Романовы слободки привезли старосты дымные деньги съ Татаровского *ключа* съ тридцати вытей 5 алтын без деньги; да с Арбувского *ключа*. . .; да с Конобовского *ключа*; да съ Зарѣцкого *ключа*. — «Книги приходные Кирилло-Белозерского монастыря (XVI—нач. XVII в.)». Опубликовано в кн.: Н. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство, т. II, вып. 1 и 2. СПб., 1910.

³⁰ «Архив М. П. Строева», ч. II, стр. 469.

«месте», в Череповецкой волости. Термин *кулига* используется здесь четко и последовательно: Се язъ, Иван Онофриевъ. . . поручился по крестьянине Стефановские *кулиги* деревни Паздерина, по Федоръ Поликарповъ, в томъ, что жити ему за нашу порукою въ той же Стефановской *кулиге* в деревнѣ Никитинѣ ³¹.

Данные современных говоров также свидетельствуют об узкой сфере бытования этого слова с интересующим нас значением в прошлом. Дело в том, что, кроме белозерских говоров, ареал этого слова, по данным Словаря Картотеки народных говоров, с близким к нашему значению отмечен только в виде отдельных изолированных «островков» в вятских (*кулига* — ‘починок, деревня в лесу’) и в вологодских (*кулига* — ‘деревня, находящаяся далеко в стороне от погоста, деревня на отставе’).

Внелингвистические данные, а именно история края, где был распространен административный термин *кулига* в XVII—XVIII вв., хотя бы косвенно, но могут помочь в решении лингвистических вопросов — установлении этимологии этого слова.

Как известно, в конце VIII—начале IX в. в районе Междоузья (Ладожского, Онежского и Белого озер) жили вепсы, язык которых принадлежал к балтийско-финской группе финно-угорских языков. После расселения вепсов сразу же проникает в эти места мощный колонизационный поток славян.

По мнению историков и археологов, в XV—начале XVIII в. какая-то часть вепсов «. . . обитала в верховьях Суды» ³². Есть свидетельства очевидца, который в первой четверти XVI в. встречался с вепсами в Судском стане Белозерского уезда: «Жители этой местности, — пишет он, — имеют особый язык, хотя нынче почти все говорят по-русски» ³³.

Значительная часть вепсов, помимо течения рек Свирь и Оять, располагалась в верховьях Суды. Между тем интересующая нас территория, где бытовало ранее слово *кулига*, как сказано, была расположена восточнее, по среднему и нижнему течению р. Суды, а также по Шексне, при впадении в нее Суды. Следовательно, речь идет о территории, только прилегающей к области основного обитания вепсов. В этих местах проходила граница между вепсами и русскими, так что вепские поселения перемежались с русскими. Лингвисты и историки находят здесь большое количество топонимов вепского происхождения, с помощью которых славяне отмечали «соседство с собою иноязычного населения» ³⁴.

³¹ «Архив М. П. Строева», ч. II, стр. 1029.

³² До настоящего времени вепсы проживают в этих местах — в Борисово-Судском р-не Вологодской обл. (Н. И. Богданов. Народность вепсы и их язык. — «Труды Карельского филиала АН СССР», вып. 12. Петрозаводск, 1958, стр. 64).

³³ С. Герберштейн. Записки о Московских делах. СПб., 1908, стр. 123.

³⁴ Названия населенных пунктов и урочищ этой местности на *весь*: Череповесь, Арбужевесь, Луковесь, Весь Егонская; названия деревень

Уже название одной из кулиг Череповецкого монастыря — Чудская — говорит о том, что на территории ее жили ранее вепсы, или чудь.

Итак, слово *кулига* в XVII—XVIII вв. распространено было в местности, где русские поселения располагались в непосредственном соседстве с вепскими.

Лингвистические данные более определенно говорят о финском происхождении слова *кулига* с этим значением. Важно отметить, что слова с этим корнем можно обнаружить в словарном составе не одного какого-то языка, а ряда языков прибалтийско-финской группы. Так, по словам Я. Калимы, «в финском *kylä* 'деревня', карельском *külä*, вепском *külä*, *küla* 'вообще чужие сёла', эстонском *küla* 'село' обозначают населенную местность, соседство»³⁵. В финских диалектах и в дальних родственных языках *küla* обозначает 'дом'³⁶. Таким образом, это не случайная, пришедшая извне лексема, а слово основного словарного фонда многих прибалтийско-финских языков.

При непосредственном и частом контакте русских и вепсов, живущих поблизости друг от друга, по-соседски, славяне легко могли усвоить вепс. *külä*, которым вепсы называли скопления («гнезда») славянских поселений, ведь по-вепски 'чужие села' — *külä*.

Интересно, что в языке современных вепсов, проживающих несколько севернее верховьев Суды, в Пондале (Бабаевский р-н Вологодской обл.), *külä* — 'соседняя деревня', а *külähine* — 'чужой, житель соседней деревни'³⁷.

Сопоставление вепс. *külä* и русск. *кулига* свидетельствует, однако, о соответствии только части корневого состава этих слов. Откуда морфема *g-a*? По всей вероятности, слово подверглось на русской почве морфологическому освоению, такому же, как в беломорских говорах, где отмечен следующий закономерный процесс при заимствовании слов из угро-финских языков: «... в заимствованиях... которые в оригинале имели... согласный (h, k) или а с п и р а ц и ю...», появляется слог *-ga* (ср. *kare*, в беломорских говорах *карега* 'порожек'; карельское *jame*, в беломор-

в Череповецком р-не: *Средняя Чудь*, *Задняя Чудь*, д. *Пертовка* — владение художника Верещагина (*per* по-вепски 'изба'). «Едва ли вызовет сомнение утверждение, что местные названия, содержащие этноним *чудь*, по большей части соответствуют действительному расселению чуди-вепсов, что за топонимами в данном случае стоит реально существовавшее население» (В. В. Пиненов. Вепсы. М., 1965, стр. 183).

³⁵ J. Kalima. Указ. соч., стр. 140—142.

³⁶ Л. Хакулинен. Развитие и структура финского языка, ч. II. М., 1955, стр. 24.

³⁷ Эти сведения любезно сообщены нам М. И. Зайцевой, сотрудником Карельского филиала АН СССР. В настоящее время М. И. Зайцева участвует в сборе материалов для составления диалектного словаря вепского языка.

ских говорах *ямега* 'шпагат')»³⁸. Морфологическое освоение вепсского слова, как видно, тоже состояло в добавлении слога *-га* к *külä*.

Какова же история этого слова в Белозерье? Местные памятники свидетельствуют об активном бытовании его в XVII—первой половине XVIII в. Сопоставляя записи синодиков Филиппо-Ирапского монастыря, можно прийти к выводу, что *кулига* начинает постепенно выпадать из речевого обихода говорящих к концу XVIII в.

Забвение этого термина выражается в том, что он начинает заменяться словом *волость*. Например: Род Чудской *волости*, дер. Маслова (вместо Чудской *кулиги*. — Ю. Ч.); Род Нелаской *волости*, деревни Парфенки. . . (вместо Нелаской *кулиги*. — Ю. Ч.)³⁹.

На тех страницах синодиков, где записаны умершие в начале XIX в., термин *кулига* последовательно заменяется словом *приход*: Род Покровского *приходу* деревни Починка. . .; Род *прихода* Пусторадицкого. . . (вместо Пусторадицкой *кулиги*. — Ю. Ч.).

Несмотря на то, что в официальном сообщении с конца XVIII в. *кулига* уступает место слову *приход*, в живом употреблении с трансформированным значением оно продолжает сохраняться. На довольно ограниченной территории Череповецкого и Кадуйского р-нов Вологодской обл. (нижнее течение р. Суды и участок Шексны) в первой половине XX в. оно бытует с разным семантическим содержанием.

М. К. Герасимов зарегистрировал его в Череповецком уезде в начале XX в. еще со значением, близким к тому, которое имело это слово в XVII—XVIII вв.: «*кулига* — 'местность, селения которой расположены по обеим сторонам небольшой реки, т. е. в группе, в куче'. Каждая *кулига* имеет название по реке, у которой она расположена (Кисовская, Андогская, Петуховская). Отсюда *кулижане* — жители кулиги»⁴⁰.

В самой южной части Череповецкого р-на *кулига* обнаружено с иным, трансформированным значением — 'группа людей, «подозрительная» компания'. В Вочкоме значение слова осложняется эмоцией отрицательной оценки: «Не хочу я и дела иметь с вашей пьяной *кулигой*»; «Вон *кулига* собралась — картежники»; «С этой воровской *кулигой* водицци не стану!» (записано в июне 1967 г. в дд. Харламовское и Пленичнике)⁴¹.

³⁸ И. В. С а л о. Влияние прибалтийско-финских языков на севернорусские говоры поморов Карелии. М., 1966, канд. дисс. (рукоп.), стр. 99.

³⁹ Синодик Филиппо-Ирапского монастыря XVIII в., № 17.

⁴⁰ М. К. Г е р а с и м о в. Словарь уездного Череповецкого говора. — Сб. ОРАС, т. 87. СПб., стр. 47. Ср. вепс. *külähine* 'чужой, житель соседней деревни' и слово *кулижане* череповецкого говора, отмеченное М. К. Герасимовым.

⁴¹ С этим же значением обнаружено это слово в уломском и ваучском говорах: «*кулига* — собрание, сборище в смысле „подозрительной“ компании»

На севере Череповецкого р-на *Кулигой* неофициально называют в наши дни лесистую, глухую местность на территории Дмитриевского сельсовета и др. По воспоминаниям, местные жители соседних приходо́в с некоторой настороженностью относились к людям, жившим в *Кулиге*.

Местность *Кулига* (одно время был даже Кулижский сельсовет) граничит с Кадуйским р-ном, в речи жителей которого до нашего времени сохранился фразеологический оборот *послать на кулигу*, употреблявшийся со значением 'послать в глушь, в глухое, лесное место, неведомо куда', синонимичный литературному *к черту на кулички*: *Послать бы его на кулигу*, заистывал бы; Цего ты его слушаёшь, *пошли его к чёрту на кулигу!* ⁴²

Итак, в пользу вепсского происхождения *кулига* со значением 'часть волости с группой близлежащих поселений' говорит следующее: а) совершенно не случайно появление его в словарном составе средних и южных белозерских говоров, так как на территории, занимаемой этими говорами, русские издавна вступали в непосредственный и каждодневный контакт с вепсами; б) вепс. *külä* и русск. *кулига* сходны по звуковому облику и близки по значению; в) в значении *кулига* в современных череповецких и кадуйских говорах, правда, очень глухо и завуалированно, проскальзывает момент, сближающий семантику его с теми оттенками значения, которое имело это слово в начальный период своего бытования в русском языке. До сих пор оно означает группу людей или местность, чем-то отличающиеся от окружающих (*кулига* — это не просто компания, а какая-то особая, обособленная группа, «подозрительное» сборище; *Кулига* — это лесистая, глухая местность, с людьми, не такими, как в соседних местах).

По словам Я. Калимы, все многочисленные другие значения этого слова ('участок луга, пашни', 'излучина реки', 'росчисть' и мн. др.) «лучше возводить к этому» ⁴³, т. е. близкому к тому, которое рассмотрено в настоящей работе.

Однако окончательное решение этого вопроса требует специальных исследований.

(С. А. Еремин. Описание уломского и ваучского говоров. Пг., 1933, стр. 52).

⁴² Записано в с. Пусторадицы Кадуйского р-на в августе 1967 г.

⁴³ Я. Калима. Указ. соч., стр. 140.